

Б. Н. Мукерджи

К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КУШАНСКОЙ ИМПЕРИИ*

По общему признанию, некоторые периоды истории обладают большим творческим потенциалом, чем другие. Плоды духовного и экономического развития, достигнутые какой-либо страной в такой исторический период, составляют богатое наследие, которым может законно гордиться как эта страна, так и все человечество.

Однако в какой мере подобные прогрессивные изменения, которые последующие поколения справедливо считают крупными достижениями, способствуют благополучию рядовых современников, чья деятельность не всегда адекватно отражена в письменных источниках. Думается, что вопрос этот заслуживает внимания историков, поскольку история — это наука о деятельности всего человечества, большую часть которого составляют всегда обычные, средние люди.

Основным препятствием при проведении такого исторического исследования является скудость сведений, в особенности относящихся к древности. Тем не менее в отношении истории Индии такую проблему можно поставить уже сейчас. Более того, определенные усилия в этом направлении уже были предприняты, хотя и в более ограниченном контексте¹.

Кушанский период занимает особое место в истории Востока вообще и индийского субконтинента в частности. Династия Кушан, происходившая из народа юэчжи, постепенно, начиная примерно со второй половины I в. до н. э., создает империю, продолжавшую существовать приблизительно до второй четверти или середины III в. н. э.² Сердцевиной этой империи была Бактрия (т. е. местность, расположенная к востоку от Герата, к югу от Амударьи и к северо-западу от Гиндукуша)³. В период наибольшего расцвета под властью Кушан находились земли, ныне составляющие часть Средней Азии к северу от Амударьи, северную, восточную и юго-восточную части Афганистана, большую часть Пакистана, значительную часть Кашмира, Пенджаба, Харианы, Химачал-Прадеша и Уттар-Прадеша, а также отдельные районы Мадхья-Прадеша, юго-западного Бихара, Раджастана, Гуджарата и северо-западной Махараштры⁴. Кроме обычного стремления к захвату новых земель, сообра-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в 1981 г. на 42-й сессии Индийского исторического конгресса.

¹ Jha D. N. *Ancient India. An Introductory Outline*. New Delhi, 1977, p. 96—116.

² Mukherjee B. N. *The Kushāna Genealogy*. Calcutta, 1967, p. 7; *idem*. *Disintegration of the Kushāna Empire*. Banaras, 1976 (далее — DKE), p. 1—6.

³ DKE, p. 5.

⁴ DKE, p. 1—2; Mukherjee B. N. *The Kushānas and the Deccan*. Calcutta, 1968 (далее — KD), p. 108 f.

жения экономического характера⁵ играли главную роль в процессе распространения Кушанской империи на индийский субконтинент, а именно — наличие на последнем нескольких портов и внутренних торговых центров, вовлеченных в процветающую индо-римскую торговлю⁶. Цари кушанской династии, осознавая экономический потенциал торговли (особенно международной) и получая непосредственную выгоду от торговых пошлин, поощряли торговую деятельность⁷. На их зависимость от торговли указывает хотя бы то обстоятельство, что постепенный подъем Южной Индии, ставшей со временем основным центром индо-римской торговли, означал смертный приговор экономическому процветанию Кушанской империи⁸. В свою очередь это важнейшее изменение в экономической структуре последней ускорило перемены в области ее политической жизни⁹.

Изучение взаимоотношений между правителями и подданными в империи¹⁰ отчетливо обнаруживает стремление кушанских царей добиться политических и экономических преимуществ. Оно показывает, между прочим, что политика правителей по отношению к подданным определялась возможностью достижения ими нескольких главных целей. К их числу относились, во-первых, стремление убедить подданных в праве и способности кушанских царей управлять обширной империей, населенной народами, резко отличающимися по своему этническому происхождению, религиозным убеждениям и социальному положению, и, во-вторых, умножение источников дохода (что подразумевало, среди прочего, и поощрение торговли, которая служила основным источником налогов). В-третьих, хотя бы внешнее невмешательство (во всяком случае, отказ от насильственных действий с целью добиться каких либо желательных перемен) царей в общественную, религиозную и культурную жизнь своих подданных. Наконец, в-четвертых, поддержание (по крайней мере в определенный период правления) особого статуса Бактрии, где находилась центральная власть империи¹¹.

Правители кушанской династии позволяли свободным людям — а вместе с ними и новым идеям — свободно перемещаться по обширной территории, населенной народами различной религиозной принадлежности и этнического происхождения, притом все это имело место в исторический период, особенно благоприятный для развития международной торговли. Вследствие этого в Кушанской империи не только процветала индо-римская и внутренняя торговля, служившая источником дохода, но и наблюдался повсеместный расцвет культуры. По мере того как в этот микрокосм, сохранившийся с древнейших времен, начинают вторгаться новые идеи, даже народы, географически и этнически удаленные друг от друга, смогли испытать на себе взаимное влияние. Обмен идеями интенсивно шел не только между различными областями самой империи, но также между империей и некушанскими областями Индии, с одной стороны, и внешним миром (прежде всего Римской империей) — с другой. Эти факторы, по нашему мнению, во многом способствовали тому, что кушанский период оказался одним из наиболее заметных в истории Востока. Покровительство, которое кушанские цари оказывали отдельным выдающимся деятелям культуры и некоторым религиозным течениям, стимулировало развитие культурных (и религиозных) направлений¹².

⁵ *Idem.* The Economic Factors in Kushāna History. Calcutta, 1970 (далее — ЕФКН), р. 16.

⁶ ЕФКН, р. 13, р. 47—48.

⁷ ЕФКН, р. 14—16.

⁸ ЕФКН, р. 17; ДКЕ, р. 50—51.

⁹ ДКЕ.

¹⁰ РФКЕ, р. 313 f.

¹¹ РФКЕ, р. 441; ДКЕ, р. 5.

¹² РФКЕ, р. 387, 410.

Общая религиозная терпимость, а также государственное покровительство отдельным религиям (не в ущерб другим) привели к процветанию самых разных религиозных течений, включая буддизм, джайнизм, многие брахманистские и иранские культы, и вместе с тем — к усилению тяги к религиозному и иконографическому синкретизму. Археологические данные свидетельствуют о развитии в это время различных видов искусства и архитектуры, отвечавших как религиозным, так и светским целям. Народы Кушанской империи говорили на разных языках и пользовались различными системами письма. На двух из этих языков (санскрите и пракрите) появились замечательные произведения. Интересной особенностью светской санскритской литературы (включая научную) в первые века н. э. было развитие ряда черт, роднящих ее с литературой Запада. Чужеземное влияние на некоторые научные произведения, включая «Явана-Джатаку» Спхурдвидхваджи, совершенно очевидно; о нем можно судить хотя бы по их названиям. Научные трактаты свидетельствуют о довольно высоком уровне знаний, достигнутом индийскими учеными в медицине, хирургии, ботанике, минералогии, математике, астрономии и астрологии. Существуют свидетельства контактов между учеными кушанских и некушанских провинций Индии, с одной стороны, и учеными — Римской империи — с другой: такие связи могли устанавливаться путем распространения научных трактатов, а также благодаря путешествиям купцов, которые вели индо-римскую торговлю. Археологические материалы, подкрепленные и дополненные свидетельством литературных источников, указывают, что мастера Кушанской империи отличались замечательным умением в том, что касалось планирования городов, возведения зданий и храмов, вааяния, изготовления повозок, ирригации, строительства плотин, добычи полезных ископаемых, металлургии и управления различными химическими процессами (включая производство и окраску стекла, керамических изделий, создание металлических сплавов, смешивание красок и т. п.), изготовления оружия, сельскохозяйственных орудий, домашней утвари, мебели, одежды (из хлопка, шелка и т. д.) и украшений¹³.

Благодаря всем этим достижениям кушанское время справедливо считается одним из наиболее важных периодов в культурной истории древней Индии¹⁴. Именно тогда была создана та основа, на которой впоследствии сложилась известная цивилизация эпохи Гупт. Ряд особенностей культуры, появившихся в Индии во времена кушан, позднее превратился в постоянные отличительные черты последующей культурной жизни страны¹⁵.

В основе творческого импульса того периода лежит постоянное усвоение новых культурных явлений, взаимосвязь между научными идеями и их практическим воплощением в технологических приемах, а также быстрый рост торговли и ремесла. Однако стихийное развитие ремесла и торговли в благоприятных географических условиях неминуемо вело к концентрации богатства в руках сравнительно небольшого числа лиц — крупных ремесленников, торговцев и богатых землевладельцев. Наряду с царем, его семьей, родственниками, советниками и придворными, военачальниками, правителями, осуществлявшими административные функции на центральном и местном уровнях, они, по всей видимости, принадлежали к наиболее влиятельному и привилегированному слою Кушанской империи. Рождение, брак, власть и богатство были, как представляется, важнейшими критериями принадлежности к этому слою.

Интересные сведения о богатых людях Кушанской империи (прежде всего Бактрии) даются Бардесаном, жившим во II — первой четверти

¹³ Подробное обсуждение затронутых вопросов см. RFKE, p. 386.

¹⁴ RFKE, p. 442.

¹⁵ Mukherjee B. N. Mathura and Its Society. The Saka-Pahlava Phase. Calcutta, 1981, p. 200; RFKE, p. 448.

III в. н. э. В его трактате, озаглавленном «Книга законов (разных) стран», утверждается, что «среди бактрийцев, которые называются кушанами, женщины надевают на себя мужские одежды и многочисленные золотые и жемчужные украшения, а слуги и служанки стараются больше услужить им, чем их мужьям. Женщины ездят верхом на конях, украшенных золотом и драгоценными камнями. Эти женщины не хранят целомудрия, но вступают в связь со своими рабами и чужеземцами, которые приезжают в ту страну, причем мужья не осуждают их, и они ничего не боятся, так как кушаны считают своих жен госпожами над собой»¹⁶.

Нам неизвестно, была ли моральная распущенность свойственна обществу имущих в Кушанской империи вообще. Однако многочисленные дары торговцев и других представителей имущих слоев указывают на то, что у них было достаточно богатства, чтобы, пожелай они того, расточать его на потакание своим худшим страстям, вместо того чтобы тратить его на дары ради обретения духовных ценностей. На то, что часть этих слоев распорядилась своим богатством отнюдь не лучшим образом, указывает упоминание Бардесана о привычке кушан украшать лошадей золотом и драгоценными камнями. Хаотичная и стихийная экономика, при которой было в обычае выставлять напоказ благосостояние, видимо, способствовала подчеркиванию различий между имущими и неимущими. На это же указывает раздел в китайском переводе «Ассалаяна-сутты», где о стране юэчжей (под которой подразумевается вся Кушанская империя или, по крайней мере, ее часть) говорится, что ее общество делилось на два класса — господ и рабов¹⁷. В палийском оригинале этому соответствуют термины ауа (свободный) и dāsa (раб)¹⁸.

Интересные сведения на этот счет можно найти и в «Ангавидджде», тексте, который относится примерно к кушанской эпохе¹⁹. В одном из его разделов содержится упоминание не только обычных четырех варн (Vambhana, Khattika, Vessa, Sudda), но также нескольких смешанных каст, образовавшихся в результате того, что представители одной варны начинали заниматься деятельностью, традиционно ассоциировавшейся с какой-либо другой варной²⁰. В другом отрывке все население делится на две категории (jāti): Ajja и Milakkhu. При этом брахманы, кшатрии и вайшьи относятся к Ajja-jāti, в то время как в Milakkhu (Mleccha)-jāti входят шудры²¹. На основании нескольких более ранних буддийских текстов можно сделать заключение, что среди Milakkhu (Mleccha) (под млеччхами понимались обычно чужеземцы, варвары — прим. ред.) были и люди, стоявшие вне кастовой системы. К ним относились, в частности, представители так называемых «низших племен»; некоторые из них, правда, рассматриваются рядом авторов как шудры²². Согласно другому разделу «Ангавидджде», шудры относились к категории Ajja (Ārya), которая включала также брахманов, кшатриев и вайшьев; другая же категория — Pessa — включала рабов-dāssa²³. Судя по этому делению, Ajja относились к высшему, а Pessa — к низшему слою общества.

Данные «Ангавидджде», по всей вероятности, отражают и традиционные, и изменившиеся концепции индийского общества, относящиеся к тому

¹⁶ Cureton W. Spicilegium Syriacum, Containing Remains of Bardesan, Meliton, Ambrose and Mara Bar Serapion. L., 1855, p. 111, 30; Journal of the Asiatic Society, 1967, IX, p. 255 f.

¹⁷ Taisho Tripitaka. Ed. by J. Takakusu and K. Watanabe. Tokyo, 1924, № 71, 877a; Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1965, XXVIII, p. 589.

¹⁸ Majjhima-nikāya II, 149. В палийском тексте названия даны как Йона и Камбоджа. В китайском переводе названия были заменены на «страну юэчжи».

¹⁹ Aṅgavijja. Ed. by Punyavijayaji. Varanasi, 1957, p. 55; RFKE, p. 492, n. 289.

²⁰ Aṅgavijja, ch. 9, secs. 40—46, p. 101—103.

²¹ Ibid., ch. 24, p. 149.

²² Dīgha-nikāya, II, 264; Aṅguttara-nikāya I, 107; II, 85; The Age of the Imperial Unity. Ed. by R. C. Majumdar. Bombay, 1951, p. 549.

²³ Aṅgavijja ch. 57, 218. Замечания Б. Н. С. Ядавы об этих пассажах см.: Kushāna Studies. Allahabad, 1968, p. 37.

периоду, когда большая его часть входила в состав Кушанской империи. Наиболее поздним из этих утверждений, видимо, следует считать мнение, согласно которому общество делилось на Ajja и Pessa, причем шудры (или некоторые из них) были включены в категорию Ajja, хотя традиционно шудры рассматривались как Pessa, т. е. «слуги». Термин Ajja (или Arya) используется здесь в противоположность термину Pessa (Preṣya), означающему «слуга», и потому должен означать «хозяин». Таким образом, обществу считалось разделенным на хозяев и слуг, или привилегированные и непривилегированные классы. Определенным критерием достаточно привилегированного положения было приобретение или наследование власти — будь то военная, административная или имущественная. Любопытно в этой связи, что «Ангавиджда» рассматривает прежде всего профессии, связанные с торговлей, военным делом и сельским хозяйством; согласно этому тексту, семейные имена (gotta, скр. gotra) относились к двум основным видам — Dijāti-gotta (для всех дваждырожденных или только для брахманов) и Gahapatika-gotta (богатых домохозяев)²⁴. Этим замечанием подчеркивается роль власти и богатства в обеспечении влияния высших слоев общества.

Эволюция подобных представлений способствовала размытию или расплыванию традиционной кастовой системы и теоретически позволяла каждому, вне зависимости от кастовой принадлежности, войти в привилегированное сословие общества благодаря приобретению или наследованию военной, административной или имущественной власти. Иначе говоря, богатые и, как следствие, влиятельные шудры могли тем самым достичь статуса «хозяев», в то время как обедневшие, хотя и теоретически свободные, кшатрии или вайши могли оказаться низведенными до положения «слуг».

В Кушанской империи, — возможно, просто стихийно, — сложились условия, благоприятствующие именно таким социально-экономическим тенденциям. Вхождение в единую империю областей от Окса (совр. Амударья) до внутренних областей Индии способствовало культурному и торговому обмену между далеко отстоявшими друг от друга районами, населенными этнически различными народами с различным социальным и экономическим укладом жизни. Социальная мобильность и торговые отношения между провинциями²⁵, по всей видимости, способствовали проникновению чужеземных торговцев в области, где была принята кастовая система, или же в места, граничащие с такими областями. В индийских провинциях эти богатые купцы могли рассматриваться как вайши; не исключено также, что сами богатые индийские вайши могли приобретать в материальной сфере большее влияние, чем брахманы и рядовые кшатрии. Как известно, эти области накануне кушанского завоевания были населены воинственными племенами. Даже если в дальнейшем и делались попытки приспособить их потомков к кастовой системе, рассматривая их как vrsala (т. е. шудр, или же кшатриев, деградировавших до положения шудр)²⁶, не подлежит сомнению, что многие из этих так называемых шудр были в действительности куда более могущественны, чем некоторые люди, которые могли похвастаться происхождением от чистокровных кшатриев.

Таким образом, социально-экономическая структура Кушанской империи не была столь уж жестко зависимой от традиционной кастовой системы, хотя последняя и оказывала большое влияние на общество и религию Индии того времени. Вышеуказанные условия, формировавшиеся отчасти стихийно, отчасти создаваемые сознательно правителями империи, привели к разделению ее населения на два основных класса, один из которых подавлял другой.

²⁴ *Āṅgavijjā*, ch. 24—25, p. 149—150.

²⁵ RFE, p. 361—362.

²⁶ *Manu-smṛti* X, 33—34.

У нас нет достаточно четкого представления о положении в этой социально-экономической системе свободных, но в имущественном отношении бедных людей (включая брахманов, кшатриев, вайшьев и др.). Однако поскольку их средства к существованию, несомненно, зависели от нанимателей или покровителей, их можно в целом отнести к классу «слуг». Сюда, по всей вероятности, включались не только рабы, но также и свободные наемные работники, представители *hīna-jāti* — «низших (т. е. презираемых — прим. ред.) каст», занимавшиеся физическим трудом, и вообще все лица, чьи средства к существованию зависели от высших слоев.

Значительную часть этого класса составляли рабы, число которых постепенно росло благодаря обычным способам обращения в рабство²⁷. В частности, в рабство могли быть обращены военнопленные; терпящие нужду представители класса «слуг» могли становиться рабами, чтобы обеспечить себе пропитание. Рабы также постоянно ввозились в Кушанскую империю извне; их использовали на царской службе²⁸. Свидетельство Бардесана о кушанах указывает, что рабы использовались и в качестве домашней челяди. Подобные виды рабства, вероятно, сохранились в индийских провинциях Кушанской империи с более ранних времен.

Как следует из «Деяний Фомы», царский двор в индо-парфянский период получал рабов и благодаря купцам, игравшим роль посредников²⁹. Если на территории Кушанской империи сохранялась та же практика, количество рабов в империи должно было бы значительно возрасти. Рост их численности играл на руку правящему классу и состоятельным людям, включая торговцев, поскольку рабы служили основным источником дешевого труда.

Однако не существует никаких свидетельств того, что в ремесле применялся преимущественно рабский труд, подобно тому как обстоит дело в Римской империи³⁰. Напротив, в индийских текстах, часть которых, возможно, относится к кушанскому времени³¹, говорится о привлечении свободных наемных работников, в том числе и представителей *hīna-jāti*, для выполнения ремесленных и других работ. Любопытно отметить при этом, что в подобных текстах упоминаются также случаи, когда представители высших каст занимались нетрадиционной для них деятельностью. Ряд таких занятий предусматривал зависимость от нанимателей³².

Зависимость наемных работников от хозяев часто наблюдалась в крупных сельскохозяйственных хозяйствах, в ремесленных и торговых организациях Кушанской империи. В подобных производственных организациях хозяева, которым, видимо, не приходилось платить налога со своих доходов, получали возможность приумножать свое богатство, в то время как экономически незащищенные или недостаточно защищенные законом³³ наемные работники не могли накопить достаточно средств, чтобы стать экономически независимыми. Например, земледелец, обрабатывавший землю крупного землевладельца, полностью зависел от своего хозяина, от которого получал средства к существованию, даже если формально он и не был прикреплен к земле.

²⁷ Arthaśāstra III, 13; Manu-smṛti VIII, 415; Vidhurapaṇḍita-jātaka (The Jataka). Ed. by V. Fausboll. V. 5, № 545.

²⁸ На обычай ввоза рабов в индо-парфянский период указывается в «Деяниях Фомы» (сирийский список, I, 2—3; II, 17—17) и в «Перипле Эритрейского моря» (SEC. 49). Тот же обычай, видимо, практиковался и в период правления кушан, пришедших на смену индо-парфянам в некоторых областях индийского субконтинента.

²⁹ См. прим. 28.

³⁰ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. V. I. Oxf., 1957 (далее — SEHRE), p. 178.

³¹ Ссылки на эти тексты см. RFKE, p. 496, п. 310—311.

³² RFKE, p. 497, п. 313.

³³ RFKE, p. 497, п. 314.

Если и можно поставить под сомнение свидетельства подобных текстов об экономическом и социальном положении наемных работников в Кушанской империи, то преобладание, по крайней мере в индийских провинциях, системы «принудительного труда» для формально свободных людей представляется бесспорным. В надписи Рудрадамана I (около 149—150 гг. н. э.) в Джунагадхе говорится, что он отремонтировал плотину, «не стесняя жителей городов и деревень» специальным налогообложением, а также применением *viṣṭi* или «принудительного труда»³⁴. Похоже, что хотя система «принудительного труда» и считалась «стеснением», она тем не менее широко практиковалась и была официально признана на всей территории, находившейся под властью Рудрадамана I. Поскольку же Рудрадаман I правил от лица кушан незадолго до 149—150 гг.³⁵, система «принудительного труда», вероятно, была распространена в Кушанской империи, по крайней мере в ее индийских провинциях. А так как правители официально прибегали к этому способу расхищения человеческой энергии, им нельзя приписывать заботу об экономическом благосостоянии простых людей.

Вместе с тем некорректно было бы утверждать, что правление кушан не принесло никакой пользы беднейшим из их подданных. Централизованная власть в обширной империи способствовала беспрепятственному передвижению всех свободных — будь то богачи или бедняки — по огромной территории. Стремление центральной власти обеспечить безопасность городских и сельских областей³⁶, а также торговых путей (*niḡama*) внушало уверенность не только имущим слоям общества, но и, хотя бы отчасти, всему народу. Развитие науки и технологических приемов, а также развитие производства обеспечивало некоторое благосостояние и простым людям, равно как и повышение общего уровня занятости. Широкомасштабные ирригационные работы в отдельных областях Кушанской империи³⁷ едва ли оказались бы осуществимыми без одобрения и финансовой поддержки местных или центральных властей. Значительное развитие оросительной системы, на которое указывают данные археологических раскопок, в конечном счете служило интересам не только богатых, но и бедных земледельцев. Так, в надписи Рудрадамана говорится, что повреждение плотины на озере Сударшана в местности Гиринагара, от которого страдало местное население, было ликвидировано по его приказу в 72 г. (149—150 гг. н. э.) «на деньги из его собственной сокровищницы» и без «взимания с подданных новых налогов»³⁸.

Покровительство кушанских царей и официальных лиц религиозным организациям, искусству, отдельным ученым и писателям³⁹ также шло на пользу многим их подданным, в числе которых были не только богатые. Высокоставленные лица совершали пожертвования; в качестве примера можно указать на надпись из Матхуры, датируемую 28 годом. Согласно этой надписи, некто по имени Кхарасалерапати, выполнявший обязанности хранителя храма (*baḡānaratī*), сделал пожертвование, предназначенное для «зала заслуги». По условиям пожертвования на его проценты должны были ежедневно кормиться сто брахманов и, кроме того, определенное количество зерна, соли, масла и овощей следовало класть у входа в зал для неимущих, голодных и жаждущих⁴⁰. Разумеется, подобные примеры благодеяний нельзя считать прямым следствием законов, принятых в Кушанской империи, хотя в Индии, например, царям теоретически с давних пор вменялось в обязанность защищать слабейших от подавля-

³⁴ *Ephigraphica Indica*, VIII (далее — EI), p. 44.

³⁵ KD, p. 108.

³⁶ EI, VIII, p. 43—44.

³⁷ Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974, с. 102, 118 — 122; *Bulletin de l'École Française d'Extrême — Orient*. P., 1979, p. 1; RFKE, p. 370.

³⁸ EI, VIII, p. 44.

³⁹ См. прим. 12.

⁴⁰ EI, XXI, p. 60—61.

ния более могущественными⁴¹. Всякая польза, которую эти беднейшие слои могли извлечь из правления кушанских царей, была чисто случайной, поскольку главной целью правителей оставалось обеспечение безопасности империи и тем самым своих источников дохода (в том числе и тех, которые были связаны с торговлей и ремеслом). Не следует забывать также о том, что кушанские цари старались прежде всего убедить своих подданных в справедливости своего правления и были заинтересованы в отклике народа (или некоторых его слоев) на такие попытки⁴². Следует также принимать в расчет личную заинтересованность кушанских царей в развитии торговли⁴³. Торговцы способствовали увеличению финансовых ресурсов империи и ее монархов. Купцы находились, вероятно, в полном подчинении правителей; об этом можно заключить, в частности, на основании эпизода, приводимого в одном из текстов, когда Канишка I приказал доставить к нему некоего купца и потребовал у последнего объяснений в связи с каким-то происшествием⁴⁴. Свидетельство из «Деяний Фомы», которое мы приводили несколько выше, может означать также, что купцов иногда назначали царскими посредниками.

Поскольку кушанский правитель (или главный правитель в случае соправления) был абсолютным монархом, министры на деле оказывались его слугами⁴⁵. Согласно утверждению казначея Канишки I, он был простым «рабом» царя⁴⁶. Существовали различные градации зависимости провинциальных и местных правителей от царя⁴⁷. Вместе с тем царь в какой-то степени зависел от содействия министров, подчиненных правителей и военачальников⁴⁸.

Доступные нам данные свидетельствуют о том, что кушанские цари в большей степени зависели от могущественных и богатых слоев населения, чем от простых бедняков, поскольку первые непосредственно служили их целям. Сами цари по существу входили в это могущественное и богатое сословие. Соответственно отношение кушанских царей к различным слоям подвластного им общества ускорило классовое расслоение общества на громадной территории, простиравшейся от Средней Азии до внутренних областей Индии и населенной народами, отличавшимися по своему этническому происхождению, религиозной принадлежности и уровню социальной организации.

В подобном обществе, где правители были кровно заинтересованы в сотрудничестве с имущими слоями, где был дешевый рабский и принудительный труд, плоды технического прогресса и различных общественных мероприятий едва ли были в полной мере доступны простым и сравнительно бедным слоям населения. Даже такой крупный ученый, как Чарак, считал основными побудительными причинами человеческих действий «стремление к жизни, стремление к богатству и стремление к будущей жизни»⁴⁹. Представители влиятельных слоев общества (включая и крупных ремесленников), разумеется, имели больше возможностей, чем неимущие, удовлетворить свое стремление к богатству⁵⁰. Многие же из числа неимущих слоев, и среди них крупные ученые, непосредственно зависели

⁴¹ Manu-smṛti VII, 20.

⁴² RFKE, p. 313 f.; Mukherjee B. N. Kushana Coins of the Land of Five Rivers. Calcutta, 1979, p. 81.

⁴³ RFKE, p. 12 f.

⁴⁴ KD, p. 65.

⁴⁵ RFKE, p. 326.

⁴⁶ KD, p. 65.

⁴⁷ RFKE, p. 344—346.

⁴⁸ RFKE, p. 337.

⁴⁹ Charaka-saṃhitā, трактат Агниवेशи, переработанный Чаракой и частично измененный Дридахвалой. См. об этом: Dasgupta S. N. A History of Indian Philosophy. V. I. Camb., 1952, p. 404, 411.

⁵⁰ Одним из способов получения дохода была торговля. Западные партнеры по индо-римской торговле также стремились к максимальному доходу. По замечанию Плиния, «Индия стала ближе нам благодаря страсти к наживе» (NH, VI, 23, 26).

от благоденствий и покровительства богатых. Чараке, видимо, на собственном опыте пришлось убедиться в том, что благо врача заключается не только в удовлетворении от приносимого облегчения, но также в богатстве и покровительстве, которое могут обеспечить ему лишь цари (*īśvarāḥ*) и богачи (*vasumantāḥ*)⁵¹.

Судя по всему, в Кушанской империи плодами научных достижений и удивительного искусства ремесленников пользовались только правители и богачи. Этот тезис хорошо иллюстрируют некоторые рельефы из Матхуры, датируемые кушанским периодом. На них изображены люди, отдыхающие на ложе (в то время как им прислуживают стоящие слуги), люди, наслаждающиеся прогулкой в повозках, управляемых специальными возницами, а также богатые дамы, которых наряжают и украшают бедно одетые служанки⁵². Простые люди, а тем более рабы, не могли извлечь никакой пользы из быстрого развития науки и технологии, отмечавшегося в этот период. Вместе с тем простые люди, если были лично свободными, пользовались свободой передвижения и свободой вероисповедания.

Сходные условия наблюдались в это время в Римской империи⁵³. Под властью Флавиев и Антонинов, которые проводили политику невмешательства в сфере международной и внутренней торговли и ремесленного производства⁵⁴, население «разделялось на два класса — правителей и управляемых, привилегированных слоев и трудящихся, землевладельцев и крестьян, господ и рабов»⁵⁵. Замечательными достижениями отмечено развитие римского искусства, архитектуры, литературы, торговли, а также, в несколько меньшей степени, науки⁵⁶. Однако и здесь (в особенности во время правления Флавиев и Антонинов) плодами научных и технических достижений пользовались преимущественно представители влиятельных имущих классов в Риме и в провинциях. На это указывает как растущая тенденция к концентрации земли и богатства в руках небольшой части населения — его аристократических слоев во главе с са-

⁵¹ Charaka-saṃhitā, sūtra-sthāna, 30, 29 (3).

⁵² Smith V. A. The Jaina Stūpa and Other Antiquities of Mathurā. Varanasi, 1969, fig. XIX, XX; Sharma R. C. Mathurā — Museum and Art. Mathurā, 1976, fig. 40.

⁵³ В начальный период существования Римской империи народ, населявший Италию, был разделен на различные социальные слои. Согласно М. Ростовцеву, сенаторы, члены муниципальных органов управления и римские всадники составляли высший слой; несколько ниже в социальном отношении располагались зажиточные граждане, которые порой не были даже свободнорожденными. Отдельно стояли низшие слои свободнорожденного населения — свободные крестьяне и ремесленники, полусвободные крестьяне и работники, занимавшиеся физическим трудом. Основание общественной пирамиды составляли огромные массы рабов — слуг, ремесленников, крестьян, работников копей, моряков и т. д. Социальные напряжения ощущались даже между различными представителями высших слоев, а свободные жители городов с пренебрежением относились к деревенскому населению (см. SEHRE, v. I, p. 46). Противоречия между различными слоями еще больше обострились (возможно не случайно) во время правления Августа. Происхождение, а также владение значительным состоянием составляли важнейшие условия включения индивида в высший социальный слой. Желательной считалась и преданность императору, «поскольку на практике именно от него зависело перемещение из одного слоя в другой» (SEHRE, v. I, p. 47; v. II, p. 558, n. 5). Таким образом, экономические и политические силы уже в начальный период существования Римской империи способствовали разделению населения Италии на определенные классы. Классовые общественные структуры существовали как в провинциях, так и в самой Италии, вероятно, на всем протяжении существования империи; степень их развития и осознания классовых противоречий могла варьировать в зависимости от времени и региона.

⁵⁴ SEHRE, v. I, p. 170.

⁵⁵ Ibid., p. 379. Элий Аристид в одной из своих речей, произнесенной в 154 г. н. э., замечает, что «перед государством все равны — великие и малые, богатые и бедные. Однако существует и различие: есть лучшие, и есть толпа. Лучшие граждане (в какой бы то ни было части империи) являются правителями, а толпа должна им повиноваться. Если же толпа не желает повиноваться... повиновения можно добиться силой» (ibid., v. I, p. 133).

⁵⁶ The Legacy of Rome. Ed. by C. Bailey. Oxf., 1962, p. 141 f., 265 f., 325 f., 385 f., 429 f., 475 f.; Dumas M. A History of Technology and Invention. Progress through the Ages. V. I. Bombay, 1969, p. 256—258.

ним императором, так и параллельное сокращение числа мелких земле-владельцев и снижение покупательной способности неимущих, а также все более невыносимое положение рабов⁵⁷.

В ханском Китае также происходило быстрое развитие науки, религии, искусства и литературы⁵⁸. Однако и здесь в условиях экономически неоднородной общественной структуры все эти достижения шли на пользу лишь отдельным слоям имущего класса, включая правящую элиту и чиновников, земельную аристократию, а также крупных торговцев и ремесленников⁵⁹. Простые люди и рабы находились в тяжелом материальном положении⁶⁰. По свидетельству одного из источников, даже во время правления узурпатора Ван Мана (9—23 г. н. э.) «богачи были заносчивы и творили зло, а бедняки лишались самого необходимого»⁶¹.

Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, наука, ремесло и другие виды творческой деятельности в Парфянской империи не достигли той степени развития, которая характерна была для Римской империи или ханского Китая⁶². Вместе с тем и здесь классовый характер

⁵⁷ SEHRE, v. I, p. 344; *Barnal J. D. Science in History*. V. I. Watford, 1969, p. 277.

⁵⁸ *Daumas M. A History of Technology...*, p. 264; *Latourette K. C. The Chinese — Their History and Culture*. N. Y., 1960, p. 130f.; *Burling I. and A. H. Chinese Art*. N. Y., 1953, p. 52 f., 133 f., 219 f., 230 f., 252—260, 274, 281, 302, 309.

⁵⁹ Объединение обширных территорий под властью одного правителя в эпоху Вэнь-ди (179—157 г. до н. э.) создало в ханском Китае условия способствовавшие экономическому процветанию. Эти условия продолжали сохраняться на протяжении почти всего времени существования Ханьской империи. Часть империи управлялась князьями, в то время как другая часть, делившаяся на провинции и префектуры, управлялась центральной властью через чиновников, которые набирались из аристократии. Главную роль в Китае, как и в Римской империи, играло сельское хозяйство, однако в Китае, для того чтобы произвести продукты питания для самого крестьянства и для армии, поддерживавшей порядок в государстве, необходимы были ирригационные работы. Эти работы, а также меры контроля над последствиями наводнений велись в очень широких масштабах. Развитию сельского хозяйства способствовало и применение улучшенных приемов земледелия и внедрение новых сортов сельскохозяйственных культур. Осваивались новые земли, расширялось производство и обмен товаров, возрастало число практически самообеспечивающихся деревень, наблюдался прирост населения, и представители новой аристократии, отличавшейся более высоким уровнем жизни, устремлялись в города. Повсеместно расширялись промышленность и торговля. Со времени становления ханьской династии мощный слой производителей и торговцев накапливал огромные средства благодаря своей деятельности в промышленности и горнорудном деле. Соответственно, государство получало новые статьи для обложения налогом. Благодаря государственной монополии на основные виды сырья, контролю над чеканкой монеты, а также структуре налогообложения ханьское правительство и его чиновники обладали большой властью над экономической жизнью империи» (*Starr C. G. A History of the Ancient World*. N. Y., 1974, p. 639 f.; *Eberherd W. A History of China*. L., 1964, p. 72—78; *Fitzgerald C. P. China. A Short Cultural History*. L., 1961, p. 60, 164). Все вышеупомянутые условия должны были способствовать укреплению власти богатых землевладельцев, чиновников и купцов. Поэтому неудивительно, что два из четырех слоев, на которые традиционно делилось китайское общество и представители которых рассматривались как вполне «уважаемые» (*лян-минь*), представляли собой чиновников (*ши*) и землевладельцев (*нун*). Интересно отметить, однако же, что представители двух других слоев — ремесленники (*кун*) и купцы (*шан*) — сталкивались со всевозможными ограничениями. Причину, видимо, следует искать в антикоммерческой политике, которую нередко проводили правители и сельская верхушка. Однако независимо от этого указанные четыре слоя были значительно более процветающими в экономическом отношении, чем обыкновенный «низкий люд» (*чень-минь*). Ниже всех слоев стояли рабы, которые не составляли даже «части общества как такового» и находились в самом угнетенном экономическом положении. Происхождение и владение богатством составляли, наряду с прочими обстоятельствами, важные факторы, определявшие положение индивида в обществе. Хотя для назначения чиновников действовала тщательно олаженная система экзаменов, сыновья чиновников даже самого низкого ранга могли в свою очередь надеяться занять пост на государственной службе только если они посещали специальные школы (*Eberherd. Op. cit.*, p. 78—79; *Starr. Op. cit.*, p. 639).

⁶⁰ См. прим. 59.

⁶¹ *Ch'ien Han-shu*, ch. XXIV; *Dubs H. H. The History of the Former Han Dynasty*, by Pan-Ku. V. III. Baltimore, 1955, p. 479.

⁶² *Ghirshman R. L'Iran des Origines à l'Islam*. P., 1976; *Colledge M. A. R. Parthian Art*. L., 1977, p. 21 f.; *Rawlinson H. G. The Sixth Great Oriental Monarchy. A History of Parthia*. L., 1873, p. 371, 391.

общества⁶³ не позволял большинству населения (включая свободных жителей городов и деревень, зависимых и рабов) пользоваться в полной мере материальными благами, извлекаемыми из сельского хозяйства и торговли⁶⁴. Этот тезис остается справедливым даже если учесть, что транзитная торговля, пути которой проходили через Парфянскую империю (эта торговля одно время служила основным связующим звеном в торговых отношениях Римской империи с Индией и Китаем), дала возможность «многим транзитным пунктам и заставам превратиться в процветающие поселения»⁶⁵, а подобные преобразования в принципе должны были служить интересам не только богатей, но и бедняков. Подтверждением этому может служить также развитие сельскохозяйственной сферы производства. В то время как зажиточные землевладельцы, хозяйства которых постепенно росли, могли применять у себя последние новшества и приемы обработки земли, крестьяне, бывшие прежде самостоятельными землевладельцами, утратили, во всяком случае частично, свою свободу⁶⁶. Львиная доля богатства империи составляла монопольное владение семи «феодальных» семей (включая династию Аршакидов), восемнадцати крупных вассалов (высшего и низшего рангов), сатрапов, крупных землевладельцев (включая жрецов), придворных, чиновников и ряда богатых семейств, которые прежде не относились к аристократии⁶⁷.

Из приведенного выше обзора социально-экономической структуры четырех великих империй, которые, если и не были вполне синхронны, существовали одновременно в период между концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. и первой-второй четвертью III в. н. э., можно сделать ряд любопытных заключений. Каждая из этих империй объединяла в своих границах территории, населенные народами, которые отличались друг от друга по своему этническому происхождению, религиозной принадлежности и социальной структуре. В каждой из них, хотя и в разной степени, наблюдались материальное процветание и расцвет духовной жизни. И все же огромное большинство людей в каждой из этих империй не могло в полной мере воспользоваться имевшимися материальными благами, поскольку те были монополизированы их правителями и имущими слоями.

В традиционных экономических структурах, характерных для этих империй, когда материальные интересы правителей толкали их к сотрудничеству с крупными землевладельцами, ремесленниками и торговцами-

⁶³ Парфянская империя, подданные которой относились к различным этническим социальным и религиозным группам, делилась на: а) зависимые государства, б) сатрапии, управляющиеся главами родов, и в) ряд областей, населенных кочевыми или полукочевыми народами (которые на деле были совершенно независимы). Классовый характер этого общества или обществ, составлявших империю, со всей очевидностью явствует из характера так называемой «феодальной» структуры империи. Эта социально-экономическая структура возглавлялась главными родами. Под ними располагались более мелкие «феодалы», владевшие городами и деревнями. Им в свою очередь значительно уступали во власти и положении свободные граждане городов и деревень (включая лично свободных землевладельцев). Согласно Аммиану Мацеллину (XXIII, 6), ряд поместий принадлежал жрецам. У основания социальной иерархии стояли крестьяне, обрабатывавшие поля, и рабы (Cambridge Ancient History. V. XI. Ed. by S. A. Cook. Cambr., 1936, p. 120: *Ghirshman*. Op. cit., p. 264, 286). Крупные землевладельцы, чиновники и представители некоторых богатых родов (ранее не принадлежавших к аристократии) составляли новый нобилитет. В социально-экономическом отношении Парфянская империя делилась на слои сообразно размерам накопленных родами состояний. Греки, которые первоначально, видимо, имели высокий социальный статус в империи филэллинически настроенных Аршакидов, в дальнейшем разделились на богатые и бедные слои. Иными словами, общественная структура Парфянской империи включала, среди прочих, слой богатых подданных (в который входили и многочисленные иранцы) и слой бедных (к которым относились и некоторые греки) (*Ghirshman*. Op. cit., p. 286).

⁶⁴ *Ghirshman*. Op. cit., p. 284 f.

⁶⁵ *Isidore of Charax*. *Stathmoi Parthikoi*, ch. I и далее; *Colledge*. *Parthian Art*, p. 15.

⁶⁶ *Ghirshman*. Op. cit., p. 285.

⁶⁷ *Филострат*. Жизнеописание Аполлония Тианского, I, 25; *Плутарх*. Красс, 21; *Rawlinson*. Op. cit., p. 86, 417, 420; *Ghirshman*. Op. cit., p. 285.

а экономика была по преимуществу стихийной⁶⁸ или управлялась так, что это шло на пользу только привилегированным классам⁶⁹, условия, благоприятствовавшие росту материального богатства и духовному расцвету, вместе с тем не несли экономического благосостояния простым людям, составлявшим большинство подданных в этих империях. Похоже, что пример четырех великих империй убеждает нас в том, что наиболее плодотворные периоды исторического развития в прошлом, наделенные наибольшим творческим потенциалом, отнюдь не являются периодами наибольшего процветания для большинства населения. Для окончательной формулировки приемлемого заключения понадобится еще, несомненно, тщательные исторические исследования. Изыскания в таком направлении действительно необходимы, поскольку история должна фиксировать не только достижения человечества, но и его ошибки — это пойдет на пользу будущим обществам. Итоги подобных изысканий создавали бы также надлежащую перспективу для суждений об историческом процессе.

(Перевод с английского Н. Исаевой)

A STUDY OF THE SOCIO-ECONOMIC HISTORY
OF THE KUSHANA EMPIRE

B. N. Mukerji

Using a great many different sources (inscriptions, other written texts, works of the ancient authors, numismatic and archaeological material) the author reconstructs the main features of the economy and social-class relations in the Kushana empire. In the process he adds new texts to the general fund of material on this subject, for example the *Aṅgavijjā*.

⁶⁸ SEHRE, v. I, p. 170; RFKE, p. 371 f.

⁶⁹ Starr. Op. cit., p. 639.